

Морозко — текст 9 из 9

Жил-был старик со старухой, а у них было три дочери. Старшая-то дочь доводилась старухе падчерицей. Дело известное: падчерице при мачехе что за житье? С утра до вечера старуха ее поедом ест: "Экая ленивица, экая неряха! И веник-то не у места, и ухват не так поставлен, и в избе-то сорно!" А Марфуша всем взяла: собой пригожа, работница, скромница: до свету поднимется, дров, воды принесет, печку истопит, пол подметет, скотине корму задаст. Всячески старалась Марфуша угодить мачехе, все попреки молча сносила; только, бывало, и отведет душу, что сядет в уголок да поплачет. Глядя на мать, и сестры частенько ее до слез обижали. Сами они поздно просыпались, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались, а за работу садились, когда пообедают. Жалко было старику старшей дочери, да не знал он, чем горю пособить, такую уж власть жена над ним взяла.

Дочери растут да растут -- вот уж и невестами стали. Начали старики между собой думу думать: как бы получше их пристроить. Отец всем трем добра желает, а мать только двум своим. И, надумала она про падчерицу думу худую. Раз говорит она мужу: "Ну, старик! Марфутку замуж пора сдавать, а то пока еще к ней какой женишишка навернется -- мои дочки хороших женихов упустят. Все же вперед старшую надо с рук сбывать". -- "Ладно", -- сказал старик и полез на печку. А старуха вслед ему: "Я же ей и жениха надумала. Завтра встань пораньше, запряги лошадь в дровни и поезжай с Марфуткой; а куда -- тогда и скажу. А ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да оденься получше: поедешь с отцом в гости".

Поутру Марфуша встала ранехонько, умылась белехонько, Богу помолилась, отцу-матери поклонилась, собрала свое добро в коробейку и сама нарядилась -- невеста хоть куда. Старик запряг лошадь в дровни, подвел к крыльцу и говорит: "Ну, я все наладил. А ты, Марфуша, готова?" -- "Готова, батюшка". -- "А коли готовы, так закусите на дорогу чем Бог послал", -- говорит мачеха. Дивится старик: "С чего это моя старуха вдруг раздобрилась?" Покормила мачеха старика с падчерицей и говорит: "Просватала я Марфушу за лесного дедку Мороза -- жених богатый, чего ей еще надо. Правда, хоть не молод, ну да ничего: стерпится слюбится". Старик и ложку выронил, глаза вытаращил, смотрит на жену. "Опомнись, старуха! -- говорит. -- В уме ли ты?" -- "Ладно, разговаривай еще! Жених богатый. У него все елки, сосны да березы в серебре стоят. И дорога к нему, не Бог знает, какая дальняя: сперва прямо поезжай, потом направо, в темный лес заверни, а там, как десять верст проедешь, под

высокой сосной Марфутку и ссади. Да место заприметь хорошенько -- завтра молодую навестить тебя же пошлю. Ну, живей, нечего время терять!.." А на дворе стояла зима лютая, лежали снега глубокие, птица на лету мерзла. Встал старик с лавки, положил дочернины пожитки на дровни, велел ей надеть шубу -- и поехали. Доехали до лесу, въехали в глушь непроходимую и под высокой сосной остановились. "Слезай, дочушка", -- говорит старик. Слезла Марфуша. Старик снял с дровней коромысло, поставил под сосной, посадил дочку свою и сказал: "Ну, сиди, жди жениха, да принимай ласковее..." Простился с дочерью и поехал домой.

Сидит Марфуша под высокой сосной на коромысле, сидит, пригорюнилась. Стало ее холодом-ознобом провать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: "Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?" -- "Ой, тепло, дедушка!" А сама чуть дух переводит. Спустился Морозко до самой земли: "Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?" А Марфуша уже замерзать стала. Тут сжалился Мороз, покрыл ее шубами, отогрел одеялами, обласкал, подарил ей сундук с нарядами, шубу, атласом крытую, серебра-золота и камней самоцветных. "Разжалобила, -- говорит, -- ты меня, красная девица, разжалобила своей кротостью да безответностью".

Наутро старуха поднялась раным-рано, стала блины печь, чтоб было чем падчерицу помянуть. "Ну, поезжай, -- говорит мужу, -- поздравь молодых-то". Старик запряг лошадь и поехал. Доехал до высокой сосны -- и глазам не верит: сидит Марфуша на коромысле веселая-превеселая, на ней шуба новая, в ушах серьги драгоценные, рядом ларец, серебром окованный. Сложил старик все добро на воз, сел с дочерью -- и скорей домой.

Дома старуха блины печет, а Шавка из-под лавки твкает: "Тяв, тяв! Марфуша едет, воз добра везет!" Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: "Врешь, подлая! Старик в кошелке Марфуткины косточки везет!" Вот и дровни подъехали. Вышла старуха на крыльцо -- да так и остолбенела: сидит на дровнях Марфуша жива невредима, разряжена лучше праздничного, а рядом ларец с подарками дедки Мороза. Затаила мачеха злобу до времени, ласково с падчерицей поздоровалась, в избу ввела, под образами с почетом посадила. Зависть взяла двух старухиных дочерей, как увидели они богатые Морозкины подарки. Стали они у матери просить: "Свези нас в лес, к Морозке в гости: он и нас подарками одарит. Чем мы хуже Марфутки?" Вот рано поутру старуха дочек своих накормила, убрала, снарядила и в путь-дорогу отпустила. Старик свез их на то место, куда Марфушу возил, и оставил под высокой сосной. Сели девицы рядышком и стали ждать, про великие богатства Морозкины судить-рядить. Девушки были в шубах, а все-таки порядочно прозябли. "Что это Морозко-то запропастился? -- говорит одна. -- Ведь так мы замерзнем". -- "Что ты с ним станешь делать? -- говорит другая. -- Разве эти женихи рано

собираются? А ты как думаешь, кого он возьмет: меня или тебя?" -- "Конечно, меня, не тебя же младшую". -- "Ан врешь". -- "А ты дура!" Слово за слово, и перебранились, стали друг дружку отчитывать: "Ты такая, а ты этакая".

Бранились, бранились, вдруг слышат: Морозко по лесу потрескивает, пощелкивает, с елки на елку перескакивает. Примолкли девушки. Вот Мороз уж и на высокой сосне. "Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?" -- спрашивает. "Ой, дедка, больно студено!

Чуть не замерзли мы, тебя поджидаячи. Где это тебя до сей поры носило?"

Стал Морозко ниже опускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: "Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?" -- "Да ну тебя, старого дурака! Заморозил вовсе, да еще спрашивает: тепло ли! Полно шутики шутить. Давай подарки, а то плюнем и уйдем вовсе". Спустился Мороз до самой земли и опять спрашивает: "Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?" Рассердились вовсе, мачехины дочери, не хотят и отвечать ему.

Обозлился и Морозко да так приударил, что девицы, как сидели, так и зачоченели... А он их холодным инеем присыпал и пошел себе по лесу с елки на елку перескакивать, с ветки на ветку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

На утро старуха говорит старику: "Запряги, старик, пошевни, положи сена побольше да возьми теплое одеяло. Дочки-то, чай, продрогли: ишь какой мороз на дворе! Да проворней поворачивайся!" Старик живо собрался и поехал. Приехал в лес, да так руками и всплеснул: обе дочери мертвые, прислонясь к сосне, сидят! Нечего делать, поднял их, положил в пошевни и повез домой.

Дома старуха хлопочет, обед готовит, чтобы получше дочек угостить, а Шавка из-под лавки: "Тяв, тяв! Старик едет, дочерей косточки везет". Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: "Врешь, подлая! Старик с дочками едет, воз добра везет!" Вот и пошевни подъехали. Вышла старуха на крыльцо -- да так и остолбенела: лежат обе дочери мертвые. "Что ты наделал, старый хрыч? Уходил ты моих деточек, моих милых дочек, ненаглядных. Вот я ж тебя кочергой попотчую!" -- "Что делать, старуха? -- говорит старик. -- Ведь мы тут виноваты: они -- что на богатство польстились, ты -- что их не остерегла, а мой грех -- что раньше я тебя мало учил; под старость поздно уж приниматься". Поплакала старуха, посердилась, побранилась -- да после с мужем и помирилась. С тех пор она и к падчерице добрее стала, а когда к Марфуше жених-молодец присватался, старуха на ее свадьбе со стариком еще камаринскую плясала.